

Императорская власть целой серией законодательных актов (новелл императоров Македонской династии) пыталась помешать этому стихийному процессу. Однако в XI в. власти торжествовали победу: парикия стала преобладающей формой отношений в деревне, что повлекло за собой упадок империи. Проиграв в сфере экономической и социальной, императоры сумели все-таки сохранить позиции в сфере политической: феодализм оказался в Византии незавершенным – власти добивались налоговых изъятий (экскуссии), но не получали права высшей юрисдикции в своих поместьях и полного исключения из сферы публично-правовых отношений.

Начав исследование феодальных институтов “снизу”, с отношений крестьян с крупными землевладельцами, Васильевский констатирует, что “крепостная зависимость” париков – фактор далеко не достаточный для определения общественного строя империи в качестве феодального. В соответствии с принятой в его время в медиевистике трактовкой феодализма ученый указал и на “подлинные” “зародыши феодального порядка” в Византии⁶⁰ – на пронию (жалуемые императором права знатным людям на сбор в свою пользу налогов с определенной территории) и харистикии (раздачу частным лицам в управление с правом пользования доходами монастырских владений). Указав на принципиальную близость этих институтов в Византии XI–XII вв. к западным бенефициям и русским кормлениям, Васильевский писал: “Новые историки очень охотно говорят о феодализме в Византийском государстве в век Комнинов и Ангелов и большей частью ограничиваются внешними, несущественными, а часто и ложными признаками подобия в учреждениях, но от них ускользает именно наиболее напоминающая первоначальные феодальные учреждения система проний”⁶¹.

Напомним сделанную выше оговорку – с тех пор прошло более ста лет. Но именно Васильевский впервые в мировой историографии поставил на твердую научную почву изучение аграрных отношений в Византии. Первым обосновал он и тезис о феодальном характере общественного строя в Византии. Его проникновенный анализ аграрной, податной, юридической (сложной и многозначной) терминологии византийского актового материала и правовых памятников, как и его разыскания в византийской метрической и монетной (в ее отношении к римской) системах, дал исследователям ключ к уяснению ранее полупонятных или вовсе непонятных документов.

Весьма существенны результаты исследования Васильевского и в сфере римско-византийского права – “в наиболее важной, как говорил он, области человеческого и общественного развития”⁶². Именно он доказал, что и “Земледельческий закон” и “Эклога” являются результатом правотворчества императоров-иконоборцев и явно ориентированы на регулирование отношений в недрах славянских поселений в империи и их отношений с властями⁶³. Вопреки сильным тогда в России славянофильским тенденциям Васильевский высказывал твердое убеждение в том, что “Закон судный людям” не более чем славянская переделка “Эклоги” и вообще, что всякий раз, когда встречаются одинаковые нормы в памятниках права славян и Византии, следует делать вывод о бесспорно византийском происхождении таких норм⁶⁴.

После опубликования именно этих работ Васильевского по внутренней истории Византии ряд виднейших византинистов Запада отчетливо осознали: профессиональные исследования в области истории Византии неизбежно будут ущербными

⁶⁰ Там же. С. 415.

⁶¹ Там же.

⁶² Васильевский В.Г. Законодательство иконоборцев. Ч. 199. С. 287.

⁶³ Там же. С. 102–105.

⁶⁴ Там же. Ч. 199. С. 297, 300; Ч. 200. С. III, 113; Васильевский В.Г. О синодальном списке... С. 171–172; Он же. Книги законные. С. 344.